

5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

Послѣ чаепитія и пріятныхъ разговоровъ, длившихся часамъ до 2-хъ или 3-хъ дня, мы собрались было отдохнуть, но шумъ и стрѣльба заставили насъ выскочить изъ блиндажа; тревога оказалась напрасной. Взлѣзъ на промежуточную траншею и вполне убѣдился, что все спокойно; но люди были настроены очень нервно и чего-то ждали. Спустился на дорогу и опять сталъ на свое мѣсто около кучки офицеровъ.

Тутъ я замѣтилъ, да и всѣ мы, что Шуйшунская японская батарея исправно дѣйствуетъ по всему нашему тылу.

Не успѣлъ я кончить эти грустныя мысли, какъ оглушительный трескъ... и я, почувствовавъ страшный ударъ въ лѣвую часть головы, кубаремъ полетѣлъ въ канаву.

Въ головѣ помутилось, и я почти лишился сознанія, такъ какъ не могъ сообразить, что нужно сдѣлать, чтобы встать. Но я радовался, все таки, думаю, значить не убитъ. Кто-то меня тащилъ за ноги, а потомъ поднялъ за руки, и я увидалъ, что возлѣ меня лежитъ капитанъ Веселовскій, но съ половиною головы; возлѣ него еще нѣсколько офицеровъ. Налѣво отъ меня половина людей нашего перевязочнаго пункта лежала другъ на другѣ, а другая поло-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 11.

вина разбирала и растаскивала первую. Около меня очутился поручикъ Рофаловскій, очень храбрый офицеръ, онъ былъ у меня ординарцемъ. Онъ и еще кто-то потащили меня внизъ. Но мнѣ казалось, что я и самъ могу идти, я только не ясно сознавалъ, гдѣ верхъ и гдѣ низъ.

Такъ я благополучно спустился къ нижнему перевязочному пункту и почувствовалъ, что по шеѣ у меня течетъ теплая струйка крови и что мнѣ завязываютъ голову. Дальше я не помню хорошо, что со мною было, хотя я не былъ въ обморочномъ состояніи и что-то говорилъ, но что именно, я рѣшительно не помню, меня немного поташнивало; потомъ я впалъ въ полнѣйшее забытье и опомнился только тогда, когда услышалъ чей-то голосъ: «это полковникъ Третьяковъ». Я открылъ глаза, и сознание ко мнѣ вернулось, но въ это же время я почувствовалъ очень сильную ломящую боль въ лѣвой сторонѣ лица и головы. Меня несли на носилкахъ. Позади кто-то ѣхалъ верхомъ, звонкій стукъ копытъ по каменистой дорогѣ болѣзненно отдавался у меня въ лѣвомъ ухѣ и головѣ. Спрашиваю: кто ѣдетъ? Отвѣчаютъ, что это мои верховыя лошади. Они всегда, когда я былъ на горѣ, стояли подъ горой около кухни. Когда меня несли по городу, мое сознание возстановилось совершенно, но боль въ шеѣ и головѣ усилилась и очень ссаднила глазъ. Думалъ, что мнѣ глазъ вышибло—тронулъ рукой—нѣтъ, какъ будто бы цѣль; посмотреть я имъ не могъ потому, что голова и этотъ глазъ были обвязаны бинтами.

Черезъ нѣсколько минутъ носилки спустили, и надо мной наклонился нашъ докторъ. Что съ вами, спрашиваетъ. Да, вотъ, говорю, ударило въ голову. Насъ окружили. Докторъ нашелъ, что я въ отличномъ состояніи. Ободренный этимъ я приподнялся и сѣлъ на носилки, голова болѣла и кружилась. Слышу шепотомъ говорятъ: «ну, надежды нѣтъ, куртка въ мозгахъ». Я невольно и съ неприятнымъ чувствомъ ощупалъ голову. Нѣтъ, голова была рѣшительно цѣла. Потомъ я догадался... это были мозги бѣднаго коменданта Веселовскаго. Затѣмъ понесли меня въ госпиталь «Краснаго Креста», гдѣ и водворили.

Послѣ осмотра у меня оказалась масса мелкихъ осколковъ въ лѣвой половинѣ головы и шеи; въ глазу также нашли маленькій осколокъ, который тотчасъ же и вынули; въ шею попалъ одинъ значительный осколокъ, который застрялъ возлѣ позвонковъ и мѣшалъ мнѣ ворочать голову. Я его ощупалъ даже рукой. Потомъ

его рассмотрѣли рентгеновскими лучами и вынули черезъ новый прорѣзъ шеи, но осколокъ моей собственной кости въ затылкѣ не усмотрѣли и открыли уже здѣсь.

Дня три я лежалъ съ сильной болью и шумомъ въ головѣ. Потомъ меня начало интересоватъ окружающее, и ломота уменьшилась.

Но я забѣжалъ впередъ. Возвращаюсь къ военнымъ дѣйствіямъ.

Вмѣсто меня оборонятъ гору былъ назначенъ подполковникъ Сейфулинъ, но его скоро ранило пулей въ ту же руку, въ которую онъ былъ раненъ въ Кинджоусскомъ бою и почти въ то же мѣсто.

23-го вечеромъ до меня дошелъ слухъ, что Высокую гору отдали, а 24-го пріѣхалъ мой адъютантъ и подтвердилъ этотъ неприятный слухъ.

Кромѣ Высокой мы добровольно оставили Плоскую, Дивизионную и Фальшивую. Я очень пожалѣлъ Дивизионную: ее нужно было оставить за нами; она хорошо была приспособлена для постепенной обороны и защищала 4-й фортъ; на ней можно было долго держаться, нужно было только сравнять съ землей ея лѣвофланговья укрѣпленія.

Какъ была оставлена гора я узналъ со словъ штабсъ-ротмистра Сиротко. Ее пытался взять обратно самъ полковникъ Ирманъ, но не былъ въ состояніи двинуть людей на гору. Мнѣ также стало извѣстно, что на горѣ въ блиндажѣ остались: герой чиновникъ Лосевъ, саперъ-телефонистъ и раненый командиръ нашей 6-й роты подпоручикъ Гудковъ, и въ правомъ редутѣ часть нашей 1-й охотничьей команды, которая съ горы сходить не хотѣла.

Имѣя этихъ людей въ редутѣ, можно бы было опять согнать японцевъ съ горы, но видимо генераль Кондратенко счелъ невыгоднымъ удерживать гору цѣною потери 500 человекъ въ день, и это была дѣйствительно резонная причина очищенія Высокой. Чтобы заставить 1-ю охотничью команду 5-го полка оставить гору, полковникъ Ирманъ долженъ былъ послать въ редутъ послѣдовательно нѣсколько человекъ съ приказаніемъ немедленно охотникамъ сойти внизъ.

Здѣсь считаю необходимымъ сообщить, что говоритъ штабсъ-ротмистръ Сиротко объ очищеніи Высокой горы.

Около 12-ти часовъ дня 22-го ноября 9-я рота 5-го Вост.-Сиб. стр. полка вышла изъ штаба на Высокую гору, въ распоряженіе ея коменданта; она только что получила укомплектованіе 36 людьми

госпитальной команды и была въ составѣ одного оберъ-офицера, двухъ заурядъ-прапорщиковъ и 102 стрѣлковъ. Генераль Кондратенко лично приказалъ ротѣ спѣшить на гору какъ можно скорѣе.

Подъ ружейнымъ огнемъ противника къ 1 ч. дня рота подошла къ подошвѣ Высокой, потерявъ по дорогѣ нѣсколько человекъ ранеными. Въ моментъ прибытія роты японцы уже занимали весь гребень горы, обстрѣливали всю дорогу и бросали внизъ горы камни и ручныя бомбы. Наши стояли на тыльномъ скатѣ и страшно терпѣли отъ ручныхъ бомбъ (это была наша 6-я рота).

Ходъ сообщенія на гору былъ переполненъ стрѣлками разныхъ ротъ и частей, и ихъ нельзя было никакими силами поднять на верхъ.

Вслѣдствіе этого 9-й ротѣ было приказано полковникомъ Сейфулинымъ двинуться на гору открытымъ путемъ лѣвѣе хода сообщенія. Подъ градомъ пуль, бомбъ и шрапнелей, рота двинулась на штурмъ въ штыки и быстро выбила непріятеля изъ разрушенной траншеи подъ самымъ гребнемъ. Засѣвшіе въ ходѣ сообщенія люди, ободренные примѣромъ нашихъ героевъ, также бросились на верхъ.

Изъ занятаго ложемента рота, имѣя впереди себя командира штабсъ-ротмистра Сиротко, заурядъ-прапорщиковъ Лисенкова и Груздева, и всѣхъ взводныхъ и отдѣленныхъ, бросилась на гребень; съ праваго фланга сдѣлалъ тоже штабсъ-капитанъ Сазоновъ и Гудковъ съ 6-й ротой. Но атакующіе были встрѣчены такимъ градомъ пуль, шрапнелей и ручныхъ бомбъ, что сразу лишились половины своего состава. Поручикъ Гудковъ былъ раненъ очень сильно.

Штабсъ-ротмистръ Сиротко былъ сильно контуженъ въ голову и раненъ въ руку и, потерявъ сознаніе, скатился внизъ; когда онъ очнулся, всѣ люди уже сошли опять въ разрушенную траншею, лѣвый флангъ которой, гдѣ находились блиндажи, пылалъ въ огнѣ; всѣ офицеры были выведены изъ строя; только на правомъ флангѣ оставался новый комендантъ горы подполковникъ Покровский; двѣ слѣдующія атаки—одна ведется подполковникомъ Покровскимъ и другая полковникомъ Ирманомъ, также не удалась и сопровождалась громадными потерями; но наши все еще держались на тыловой отлогости горы.

Часовъ въ 12 ночи, когда штабсъ-ротмистръ Сиротко послѣ перевязки нѣсколько оправился, генераль Кондратенко, бывшій въ

штабѣ полка, послалъ его, четырехъ мичмановъ и заурядъ-прапорщика 27-го полка попытаться поднять людей на гору и выбить оттуда японцевъ. Въ это время японцы успѣли втащить на Высокую нѣсколько пулеметовъ. Полковникъ Ирманъ, видя, что гора сильно занята непріателемъ и предполагая, что дальнѣйшія атаки будутъ сопровождаться ужасными потерями, рѣшилъ оставить гору и отступить.

Жаль, что не попытались пустить въ ходъ тактику японцевъ, т. е. сбить непріателя съ горы артилерійскимъ огнемъ и тогда занять ее безъ потерь.

При этихъ штурмахъ 9-я рота потеряла всѣхъ начальниковъ и 60% людей убитыми и ранеными. За все время съ 6-го сентября и по 22-е декабря 9-я рота изъ 155 человекъ своего состава, потеряла убитыми и ранеными 253 человека, т. е. 160%. Главныя ея дѣла: прикрытіе отступленія съ Длинной горы, три штыковыя атаки на засѣвшаго въ окопахъ лѣваго фланга Плоской горы непріателя, и всѣ три были удачны, отбитіе множества атакъ непріателя на лѣвый флангъ Плоской и три послѣднихъ, хотя неудачныхъ, но смѣлыхъ атакъ на Высокую гору.

Госпиталь «Краснаго Креста» былъ богато снабженъ всѣмъ, что было необходимо для правильнаго и полезнаго функціонированія лечебнаго заведенія въ осажденной крѣпости.

Благодаря большому женскому персоналу и сердечному отношенію къ больнымъ, обстановка госпиталя походила на домашнюю, и больные, послѣ неудобствъ жизни въ траншеяхъ, чувствовали себя отлично.

Доктора и сестры милосердія были поразительно внимательны къ больнымъ, и раненый, попавшій въ «Красный Крестъ», могъ себя считать очень счастливымъ.

По вечерамъ для перевязокъ приходило много раненыхъ офицеровъ съ боевыхъ линій и рассказывали очень много интереснаго и любопытнаго. Всѣ эти рассказы приходившихъ въ госпиталь и лежащихъ тамъ раненыхъ были такъ интересны и содержательны, что если бы ихъ записывать, то можно было бы составить многотомный, занимательный и важный документъ осады.

Но я былъ въ такомъ удрученномъ состояніи, что и думать ни о чемъ не хотѣлось, не только что писать.

Главное, что беспокоило меня и многихъ—это перспектива быть побитыми безъ возможности обороняться.

Страшное превосходство артилеріи противника и свирѣпствовавшая у насъ цынга могли даже точно указать время окончательнаго нашего изнеможенія. По моему, оно было въ двухъ-мѣсячномъ отъ насъ разстояніи.

А вѣсти изъ Маньчжурской арміи были очень неутѣшительны, чтобы рассчитывать на помощь извнѣ.

На третій день послѣ оставленія Высокой, началось разстрѣливаніе нашихъ судовъ. Приходившіе къ намъ моряки рассказывали, что для нашего флота теперъ нѣтъ никакого спасенія: онъ будетъ разстрѣлянъ черезъ нѣсколько дней, а безъ него и двинутая изъ Петербурга эскадра ничего не сдѣлаетъ, такъ какъ японскій флотъ очень силенъ.

Я не понимаю, какъ можно было обольщать себя надеждой побить японцевъ силою нашего Дальневосточнаго флота.

Неужели нельзя было предвидѣть, что японцы рано или поздно вступятся за свои интересы? На этотъ случай нужно было на Дальній Востокъ прислать еще 3 или 4 хорошихъ броненосца, и тогда не было бы войны, не было бы страшныхъ затратъ и жертвъ, а, главное—не было бы торжества японцевъ.

Побили насъ наши ошибки, а не японцы, и разъ мы ихъ исправимъ, то японцы неминуемо будутъ побиты нами. Въ этомъ я не сомнѣваюсь ни секунды, такъ какъ хорошо знаю свойства и всей японской арміи, и отдѣльнаго японскаго солдата.

Унынія въ средѣ офицеровъ не замѣтно. Но замѣтно, что хорошіе офицеры сильно убываютъ.

Приходилъ офицеръ съ форта № 11-й и рассказывалъ, что японцы уже давно завладѣли ровомъ и сидятъ по ту сторону бруствера, но не смѣютъ насъ атаковать.

Наши въ ровъ скатываютъ цѣлыя 10-пудовыя морскія мины. Воображаю эффектъ разрыва такой мины во рву. Японцы начали насъ выживать изъ капонира этого форта, сжигая въ немъ вещества съ мышьяковымъ соединеніями. Наши отъ этихъ газовъ задыхаются и мѣняють часовыхъ въ казематахъ черезъ каждыя двѣ минуты. Почти такое же положеніе на фортѣ № 3.

3-го декабря вечеромъ до насъ дошла роковая вѣсть о смерти ген. Кондратенко; это извѣстiе было такъ ужасно, что я не повѣрилъ. Но черезъ нѣсколько минутъ привезли раненныхъ очевидцевъ: молодого артилерійскаго офицера и прапорщика запаса саперной роты Шмидта. По ихъ рассказамъ это страшное происшествiе случилось такъ: часовъ около 8-ми вечера на фортъ № 2-й прiѣхалъ ген. Кондратенко. Предварительно туда были собраны почти всѣ главные начальники атакованнаго фронта: подполковникъ Рашевскій, капитанъ Зедгинидзе, подполковникъ Науменко и другiе. Нужно было рѣшить вопросъ объ организации дальнѣйшей обороны форта № 2, такъ какъ защитники были поставлены въ большое затрудненiе примѣненiемъ къ минной войнѣ дѣйствiя удушливыми газами.

Казематъ, гдѣ происходилъ совѣтъ, уже разъ былъ пробитъ 11' снарядомъ, и разрушенная его часть была отдѣлена отъ цѣльной толстой досчатой перегородкой, а дыра, сдѣланная снарядомъ въ толщѣ свода, была заложена камнемъ насухо, и задѣлка эта опиралась на кучу мусора и крупныхъ обломковъ, насыпанную внутри каземата. Это я самъ видѣлъ во время неоднократныхъ моихъ посѣщенiй этого злосчастнаго форта.

Генераль Кондратенко сидѣлъ у стола, прислонившись спиной къ перегородкѣ, а всѣ остальные вокругъ того же стола на скамейкахъ. Оставшiеся въ живыхъ свидѣтели стояли поодаль у входа въ казематъ. Вдругъ страшный грохотъ, и стоявшихъ силою газовъ вышибло въ проходъ и завалило мусоромъ.

Когда они опомнились, стрѣлки уже были въ казематѣ и вытаскивали оттуда раздавленные человѣческiя тѣла. Съ ген. Кондратенко погибъ почти весь цвѣтъ офицеровъ атакованнаго фронта.

Сильное впечатлѣнiе на гарнизонъ произвела смерть ген. Кондратенко. Всѣ прiуныли, тѣмъ болѣе, что не видѣли, кѣмъ можно было бы его замѣнить.

Черезъ нѣсколько дней нашъ флотъ прекратилъ свое существованiе, усиливъ впрочемъ, резервъ коменданта; но, не смотря на это усиленiе, несчастья съ этого момента посыпались на насъ, какъ изъ рога изобилiя.

5-го декабря японцы взорвали мины подъ брустверомъ форта № 11. Воронка была сдѣлана небольшая, но гарнизонъ, очистивши банкеты и сосредоточившись за ретраншементомъ, не пустилъ

японцевъ на брустверь, а въ 11 ч. ночи очистилъ фортъ совершенно. Комендантъ форта, шт.-кап. Квацъ, когда пришелъ въ госпиталь, самъ рассказывалъ мнѣ, что оставилъ укрѣпленіе вслѣдствіе приказанія ген. Фока, но и самъ считалъ дальнѣйшую оборону невыносимой. За каждый день обладанія фортомъ мы должны были платить жизнью сотенъ людей, но я съ этимъ не могу согласиться; въ форту еще былъ цѣлъ казематъ. Впрочемъ оставленіе этого форта не особенно насъ огорчило, такъ какъ онъ былъ расположенъ очень низко, и позади его, на высотахъ, была еще Китайская стѣнка, уже сослужившая намъ большую службу при отбитіи многочисленныхъ японскихъ штурмовъ.

Къ 11-му декабря я совершенно оправился,—и глазъ пересталъ болѣть; докторъ Миротворцевъ сдѣлалъ мнѣ операцію и очень удачно осколокъ изъ шеи вытащилъ.

На моемъ участкѣ, во время моей болѣзни, все было совершенно спокойно. Японцы всѣ силы свои сосредоточили на атакованномъ фронтѣ, а противъ насъ прекратили всякія дѣйствія.

Вышелъ изъ госпиталя 12-го декабря. Когда я пріѣхалъ на участокъ, штабъ былъ уже переведенъ на другое мѣсто. Онъ пріютился за горнымъ кряжемъ, позади долговременной батареи № 4, въ совершенно безопасномъ мѣстѣ. Въ штабѣ полк. Ирмана я нашелъ много городскихъ чиновниковъ съ начальникомъ гражданской части Квантунскаго полуострова полк. Вершининымъ во главѣ. Обѣды были общіе и весьма обильные, но стоящіе страшныхъ денегъ, почему наши офицеры обѣдали отдѣльно. Этотъ вечеръ я провелъ хорошо, но ночью у меня страшно разболѣлась рана на шеѣ и настолько сильно, что утромъ сдѣлался жаръ; принужденъ былъ возвратиться въ госпиталь и пробылъ тамъ еще три дня.

Рану мнѣ дезинфекцировали, чѣмъ то залѣпили, и я опять возвратился въ полкъ.

Какъ разъ въ это время японцы собирались атаковать Промежуточную гору, которую защищали наши 2-я и 3-я роты съ поручикомъ Ивановымъ. Штурмы начались съ 2 ч. ночи 12-го декабря, но всѣ они были отбиты огнемъ изъ атакованныхъ траншей и съ фугаснаго люнета, занятаго 7-й ротой. Но маленькая кучка японцевъ, человекъ въ 10, залѣзла-таки на гору откуда то съ тыла и тамъ засѣла. Подпоручикъ Ивановъ донесъ объ этомъ полк. Ирману и при этомъ сообщилъ, что онъ выбьетъ японцевъ съ верши-

ны горки. Дѣлать это было совершенно напрасно, такъ какъ они сами бы ушли оттуда. Но полк. Ирманъ приказалъ ротамъ отойти съ Промежуточной горы и занять мѣсто на основной нашей позиціи, рядомъ съ нашей 11-й ротой.

10-го декабря нами очищена Соловьевская горка у Голубиной бухты.

И такъ весь 5-й полкъ теперь перебрался на основную позицію и представлялъ силу значительно большую, чѣмъ прежде, такъ какъ онъ былъ третій разъ пополненъ и занималъ промежутокъ между двумя долговременными фортами; японцамъ предстояло теперь повторить атаки Угловыхъ горъ, но усиленных долговременными укрѣпленіями.

Не мудрено, что они не рѣшились на повтореніе этихъ операцій и благоразумно сидѣли на занятыхъ позиціяхъ. Поэтому въ штабѣ и на позиціяхъ у насъ было совершенно спокойно. Пользуясь этимъ спокойствіемъ, я могъ отлучаться изъ штаба, чѣмъ и не преминулъ воспользоваться.

Прежде всего я поѣхалъ къ полк. Григоренко, дома его не засталъ и направился къ коменданту. Тамъ я встрѣтилъ полк. Хвостова, пришедшаго съ докладомъ. Мы долго бесѣдовали на тему настоящаго положенія нашихъ дѣлъ. Изъ этой бесѣды я вынесъ отрадное впечатлѣніе, что угрожающаго ничего пока еще не было.

На случай взятія форта № 3-й у коменданта была 2-я линія обороны, на которой мы надѣялись задержать непріятеля на довольно значительный промежутокъ времени.

Нужно сказать, что непріятель подъ укрѣпленіями форта № 3 и бат. № 3 довольно успѣшно шелъ минными галереями. Мы ему здѣсь серьезнаго сопротивленія оказать не могли, во первыхъ потому, что у насъ не было минеръ, а главное у насъ не было контръ-минной системы. Выходы изъ контръ-эскарповыхъ галерей, правда, были оставлены, но заложены камнемъ на цементъ. Закладка была сдѣлана такъ прочно, что на ея уничтоженіе нужно было употребить около трехъ дней, какъ и на 11-мъ форту. Скалистый грунтъ какъ будто бы и не давалъ возможности атакующему вести галерей, но, не смотря на это, въ одинъ прекрасный день работа японскаго минера была замѣчена. Для опредѣленія ея ген. Кондратенко опять пригласилъ и меня. Съ большими перипетіями, ночью, не помню, какого числа, я съ полк. Григоренко добрались до 3-го фор-

та и съ цѣлой комиссіей и ген. Кондратенко проникли въ контръ-эскарповую галерею. Тщательно выслушавши непріятельскія работы, мы опредѣлили, что японцы работали въ трехъ нунктахъ за наружной стѣнной галереи. Очевидно, они хотѣли взрывами небольшихъ горновъ сдѣлать проломы въ этой стѣнѣ и черезъ нихъ войти въ галереи. Мы могли оказать имъ только пассивное сопротивление, поэтому рѣшили заложить галереи камнемъ, а противъ мѣстъ непріятельскихъ горновъ этотъ камень положить на цементъ, что и было быстро выполнено,

Все это происходило задолго до настоящаго момента, а теперь непріятель былъ уже подъ брустверомъ укрѣпленія и готовился взорвать нѣсколько горновъ. Этого взрыва на фортъ ожидали, и потому на банкетахъ были только часовые... Вообразите положеніе часового, который знаетъ, что вотъ-вотъ его взорвутъ на воздухъ. Комендантъ уже и отпоръ приготовилъ на случай взрыва форта и атаки его японцами и спокойно ждалъ событій.

Позавтракавши у коменданта и получивши ясное представленіе о положеніи нашихъ дѣлъ, я отправился въ свой штабъ. Японцы довольно сильно обстрѣливали береговую дорогу; но снаряды больше перелетали и падали въ воду.

15-го декабря я опять поѣхалъ въ городъ. Проѣзжая черезъ мостъ на Лунхэ, я почувствовалъ легкое сотрясеніе почвы и затѣмъ услышалъ сильный гулъ; поднявши голову, увидалъ надъ 3-мъ фортъ громадный черный столбъ дыма чуть ли не до самаго зенита. 3-й фортъ взорванъ и..., можетъ быть, взятъ. Но это еще не бѣда, позади его есть Китайская стѣнка, думалъ я.

Когда я пріѣхалъ въ штабъ, тамъ было уже все извѣстно. Взрывъ оказался не особенно удачнымъ, и мы еще владѣли ретраншементомъ; но убыль въ людяхъ очень большая, т. к. непріятель засыпаетъ фортъ всевозможными снарядами. Говорили, что японцы сами страшно пострадали отъ этого взрыва. У нихъ была засыпана вся ближайшая къ фортъ траншея, въ которой похоронило предназначенную для атаки колонну. У насъ на участкѣ все было совершенно спокойно, и мы вечеръ провели даже весело, радуясь, что японцы не уничтожили обороны форта. Что они могли сдѣлать, если бы удачно заложили свои 150 пудовъ пироксилина подъ валами форта. Но радость наша была преждевременна.

На другой день мы узнали, что фортъ № 3-й ночью нами былъ очищенъ: имущество, патроны, бомбы и т. п. были заранѣе вывезены. Кромѣ форта нами была оставлена и Китайская стѣнка, идущая отъ форта прямо въ тылъ по обѣ его стороны.

Мы заняли позицію на скалистомъ кряжѣ и на возвышенности влѣво отъ него.

Трудное положеніе центра и убійственный артилерійскій огонь, постоянно повторяющіеся штурмы и ожиданіе этихъ штурмовъ угнетающимъ образомъ дѣйствуютъ на людей. Становится замѣтнымъ упадокъ духа; да и не мудрено, можно стойко держаться въ теченіе одного большого сраженія, въ особенности, если есть надежда однимъ или двумя ударами завоевать себѣ спокойствіе, славу и награды, а государству достиженіе преднамѣченныхъ имъ цѣлей.

Но если этимъ сраженіямъ и конца не предвидится, если людямъ приходится ежеминутно подвергаться смертельной опасности и это въ теченіе неопредѣленно долгаго промежутка времени, когда отъ каждаго требуются геройскія усилія и не на одинъ моментъ, а на все время до самой неминуемой смерти, то простиительно, если иногда будутъ появляться примѣры малодушія, если временами у людей будетъ проявляться отсутствіе необходимой энергіи и вялость въ исполненіи приказаній.

Въ такихъ случаяхъ нужно смѣнять утомленные части, но смѣнять было не кѣмъ; а тутъ еще и цынга, начинающаяся появленіемъ апатіи, слабостью ногъ и головными болями. Нужно было хоть питать людей обильно. Но я не знаю, почему у насъ жалѣли артилерійскихъ лошадей. На дѣйствія наступательнаго характера мы уже давно потеряли всякую возможность; поэтому давно уже нужно бы было смотрѣть на артилерійскихъ лошадей, какъ на источникъ питанія, и давать людямъ мясо каждодневно. (Впрочемъ, я не знаю, можетъ быть онѣ были заняты работой). Этимъ мы удержали бы не одну тысячу людей въ траншеяхъ.

При совмѣстномъ помѣщеніи штаба полк. Ирмана и чиновниковъ городского и областного управленій съ полк. Вершининымъ во главѣ, питаніе наше было очень обильно, т. е. ѣли вкусную ослатину, а иногда и говядину, разговорамъ и спорамъ не было

конца, и не мудрено: событія сильно били по нервамъ. Помѣщенія для столовой и канцеляріи 5-го полка мы наняли у инженера Губанова и устроились отлично. Для удешевленія офицерскаго стола я отдалъ въ офицерскую столовую своего осла, т. к. ѣхать на немъ уже было некуда.

17-го декабря мы мирно обѣдали, какъ страшная канонада со всѣхъ нашихъ батарей и ружейная пальба на атакованномъ фронтѣ возвѣстили намъ о серьезныхъ предпріятіяхъ японцевъ.

Всѣ мы бросились на гору, но оттуда видны были только дымъ отъ батарей и отъ рвавшихся въ воздухѣ японскихъ и нашихъ шрапнелей. Всѣ наши укрѣпленія страшно засыпались японскими снарядами, а движенія войскъ замѣтно не было. Пробовалъ обратиться къ помощи телефона, но онъ былъ все время занятъ.

Только вечеромъ мы узнали, что японцы произвели сильную атаку на Китайскую стѣнку и на скалистый кряжъ. Атаки эти были блестяще отбиты съ громадными для японцевъ потерями, но непріятель все таки успѣлъ укрѣпиться у подножія скалистаго кряжа и оттуда сталъ фланкировать Китайскую стѣнку.

Бѣды большой отъ этого, впрочемъ, не произошло, т. к. на Китайской стѣнкѣ было много траверсовъ и блиндажей.

У насъ на участкѣ совершенное спокойствіе. Но резерва нѣтъ уже ни одного человѣка; да мы и безъ резервовъ отбили бы всякую атаку. Не то было на Ляотешанѣ, гдѣ у капитана Романовскаго были почти только наши конныя охотничьи команды. Непріятель сильно на нихъ понасѣлъ и заставилъ очистить высоты у Голубиной бухты. Это было тѣмъ не хорошо, что японцы, отогнавши нашихъ охотниковъ, могли пройти и ударить на второй отдѣлъ западнаго фронта, гдѣ стояли ничтожные остатки 27-го полка, большая часть котораго была потребована на атакованный фронтъ. Къ счастью, японцы, удовлетворившись достигнутыми успѣхами, остановились для обычнаго продолжительнаго отдыха, а можетъ быть и ихъ потребовали также на атакованный фронтъ.

18-го декабря, среди мирной обстановки нашего утра, за чаемъ, получили извѣстіе о постигшемъ насъ большомъ несчастіи. Въ теченіе всей этой несчастной войны японцамъ везло, какъ повѣшеннымъ. Было взорвано 3-е укрѣпленіе, и это бы еще ничего, но страшная случайность уничтожила весь его гарнизонъ. Вотъ какъ это совершилось: для обороны укрѣпленія, въ потернахъ,

гдѣ ютился гарнизонъ, были сложены тысячи ручныхъ бомбочекъ. Отъ японскаго взрыва, вслѣдствіе детонаціи, эти бомбочки также взорвались, и потеряна выпалила нашимъ гарнизономъ, какъ ружье дробью. Ужасное происшествіе это страшно насъ поразило, и жаль до боли было доблестнаго гарнизона съ его героемъ-комендантомъ, для насъ стало яснымъ, что благополучію нашему былъ нанесенъ страшный ударъ. Укрѣпленіе № 3-й было на флангѣ второй оборонительной линіи.

Не хорошо было у всѣхъ насъ на душѣ. За обѣдомъ почти никто ничего не ѣлъ.

Вечеромъ этого дня наши отошли съ Китайской стѣны на Большое Орлиное гнѣздо, Митрофаніевскую, Владимірскую и Лаперовскую горы. Теперь трудно будетъ намъ держаться на атакованныхъ позиціяхъ. Нужно было бы подумать и объ укрѣпленіи новаго города со стороны стараго. Но распоряженій объ этомъ не получалось. На что же рассчитываетъ наше начальство?

Грустно мы провели вечеръ съ 18-го на 19-е число. Всѣ разговоры вертѣлись на томъ, какъ бы протянуть оборону, хотя бы до новаго года. Это было общее желаніе и желаніе исполнимое. Разошлись мы въ этотъ вечеръ поздно, а утромъ были разбужены сильной канонадой; вышли на гору и увидѣли, что Орлиное гнѣздо забрасывается снарядами и такъ закутано дымомъ, что вершина была совершенно не видна. Долго продолжалась эта канонада. Что происходило на горѣ, намъ не было видно, но вечеромъ мы узнали, что когда на горѣ осталось нѣсколько человекъ, 2, 3 или 4, японцы ее заняли. Наши резервы быстро выбили непріятеля и отбили еще 5 атакъ, но подъ вечеръ 6-я атака японцамъ удалась, т. к. защищать гору было уже некому.

Вечеромъ же по приказанію ген. Фока мы очистили весь фронтъ вправо отъ Орлинаго гнѣзда до литеры Б включительно.

Ночью этого дня японцы атаковали Сигнальную гору у бухты Тахэ, но были отбиты.

20-го декабря большая часть офицеровъ собралась въ штабъ, чтобы узнать, въ какомъ положеніи наши дѣла. Вдругъ изъ города прискакалъ кто то изъ офицеровъ и сообщилъ, что самъ видѣлъ, какъ два офицера съ бѣлымъ флагомъ проѣхали за наши линіи.

Отъ этого извѣстія у меня какъ то сердце оторвалось. Всѣ долго молчали, стараясь не проявлять своего смущенія. «Неужели

это сдача», проронилъ кто то изъ присутствующихъ. «Пожалуй, что такъ», отвѣтилъ другой. Послѣ минутнаго полнаго молчанія завязался общій и очень шумный разговоръ; обсуждали вопросъ, что дѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ; говорили всѣ разомъ, и потому понять ничего было нельзя. Замѣчалось только большое недовольство ген. Фокомъ; на его голову сыпались самыя разнообразныя обвиненія. Сколько прошло времени въ этихъ разговорахъ, я не помню; знаю только, что обѣдать еще не сѣли, какъ по телефону получилось роковое извѣстіе: Артуръ сдается, гг. офицерамъ выговорено сохраненіе холоднаго оружія и возвращеніе въ Россію подъ обѣщаніемъ не принимать участія въ настоящей войнѣ съ японцами.

Какъ громомъ поразила эта вѣсть всѣхъ присутствующихъ. Большинство сдаваться не желало и на чемъ свѣтъ стоитъ бранило все начальство, рѣшившееся безъ согласія офицеровъ сдавать крѣпость. Одна часть хотѣла немедленно отправиться на Ляотешань и тамъ продолжать защищаться; многіе хотѣли не медля нанять китайскія шаланды и бѣжать изъ крѣпости, и только небольшая часть рѣшила подчиниться волѣ начальства. А такъ какъ всякій требовалъ, чтобы всѣ приняли его личное рѣшеніе, то скоро разговоръ принялъ очень острый характеръ и готовъ былъ разразиться серьезными послѣдствіями.

Желающіе защищаться на Ляотешанѣ скоро отказались отъ своего рѣшенія, т. к. защищаться тамъ было невозможно, вслѣдствіе полнаго отсутствія воды и укрѣпленій; а желавшіе бѣжать на шаландахъ не могли привести своего желанія въ исполненіе по причинѣ противнаго вѣтра.

Опять не помню, сколько времени продолжался нашъ бурный раздоръ; но въ самый его разгаръ кто то пріѣхалъ и сообщилъ, что офицеры посылаютъ телеграмму Государю съ вопросомъ: можно-ли воспользоваться выговоренными начальствомъ льготами для офицеровъ. Это извѣстіе какъ то всѣхъ успокоило, но все общество пришло почти къ единогласному рѣшенію выразить негодованіе начальству общимъ и совершеннымъ отказомъ отъ всѣхъ льготъ, которыя были имъ выговорены цѣною сдачи крѣпости. Всѣ рѣшили идти въ плѣнъ вмѣстѣ съ солдатами и вмѣстѣ съ ними раздѣлить лишенія плѣна. Похвальное рѣшеніе, и я это свое мнѣніе высказалъ во всеуслышаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ резоны и противъ него. Многіе этихъ резоновъ не слыхали, т. к. съ пере-

сохшимъ отъ споровъ горломъ уже разошлись по своимъ мѣстамъ. А резоны заключались въ слѣдующемъ:

1) Такъ какъ въ плѣну нижніе чины будутъ отдѣлены отъ офицеровъ и разбросаны по всей Японіи, то присутствіе офицеровъ не принесетъ нижнимъ чинамъ никакой пользы и никакого утѣшенія.

2) Такъ какъ изъ Россіи для пополненія полковъ, отправляемыхъ на Дальній Востокъ, была взята масса офицеровъ, то недостатокъ ихъ въ Европѣ былъ очень чувствителенъ, а въ случаѣ войны въ Туркестанѣ, весьма возможной, мы будемъ поставлены въ критическое положеніе; да и безъ войны недостатокъ офицеровъ могъ разстроить и расшатать оставшіеся полки и запасные баталіоны. Наконецъ, сидя въ плѣну, около 500 человекъ офицеровъ, будутъ совершенно бесполезны для родины, очень въ нихъ нуждающейся.

Я кромѣ того сказалъ: господа, въ Россіи могутъ подумать, что офицеры, ушедшіе въ плѣнъ, просто захотѣли покойфовать въ прекрасной Японіи, устранивши себя отъ всякой службы и труда въ то время, когда въ центрѣ нашей родины идутъ смуты, и она нуждается въ честныхъ офицерахъ.

Офицеры моего полка согласились съ моими доводами и рѣшили ѣхать въ Россію, и теперь прибавлю, что они здѣсь не были бесполезны, такъ какъ южные полки были почти безъ офицеровъ, недостатокъ ихъ, какъ всѣмъ извѣстно, повлекъ за собой безпорядки въ запасныхъ баталіонахъ, и пріѣздъ нашихъ офицеровъ былъ какъ разъ кстати.

Послѣ объявленія о сдачѣ Портъ-Артура много нужно было труда, чтобы сохранить порядокъ въ крѣпости.

Солдаты чувствовали, что произошло небывалое событіе, унижительное для славнаго русскаго войска и русскаго царства.

«Неужто сдаемся, ваше высокоблагородіе», обращались ко мнѣ наши люди, когда я обходилъ роты. «Да, братцы», отвѣчалъ я, начальство приказало сдаваться, но 5-й полкъ въ этой сдачѣ не виновать, и вы со спокойной совѣстью можете говорить всѣмъ и каждому, что 5-й полкъ всегда смѣло смотрѣлъ смерти въ глаза и безропотно умиралъ за Царя и родину. Всѣ это знаютъ, и никто не посмѣетъ бросить вамъ въ глаза и тѣни упрека.

Вы какъ были, такъ и есть истинные герои, извѣстные и японцамъ и всей обширной и дорогой нашей родинѣ и всему міру Божьему. Ваша совѣсть должна быть чиста, какъ это свѣтлое небо.

Многіе плакали, и я отъ слезъ, перехватывавшихъ мнѣ горло, почти не могъ говорить. Стоявшій возлѣ меня дряхлый старикъ, единственный носторонній свидѣтель нашего волненія, сорвалъ съ головы свою старую шляпченку и, восторженно махая ею въ воздухъ, закричалъ: «братцы, слава 5-му полку, ура». Но его никто не поддержалъ.

Мнѣ такъ тяжело вспоминать это страшное время нашего несчастія, что я не могу продолжать дальше моего разсказа.

Ж. Третьяковъ.

